

русское гостеприимство. Жена Твардовского даже подарила Фросту баночку маринованных грибов.

В разгар вечера в квартире Твардовского на набережной Москвы-реки, когда все сидели за длинным столом, хозяева включили телевизор. За закусками и супом мы какое-то время смотрели “Бориса Годунова”. Потом на экране вдруг появился Фрост. Двадцатиминутный отрывок из часовой телепередачи был специально подготовлен для показа по телевидению в этот вечер по окончании первого акта, чтобы Фрост мог увидеть себя. Это была отличная запись; Фрост, Сурков и Евтушенко производили прекрасное впечатление. Все были очень довольны. Впоследствии эту передачу несколько раз показывали полностью, и она имела, насколько я знаю, огромный успех. Фрост читал стихи сотням, достигал сознания тысяч благодаря газетным репортажам, и миллионы видели его по телевизору. Его поездка не только прошла на высоком художественном уровне, но и имела успех в широких кругах. Он добился в России того, чего давно добился у себя на родине. Следующим утром в аэропорту, отвечая русскому журналисту, который попросил его на прощание поделиться своими впечатлениями о пребывании в России, он сказал: “Союз писателей сделал эту поездку одним из самых значительных событий в моей жизни. Я получил возможность выразить свое восхищение вашей могущественной страной, которой суждено еще долгие годы быть нашим соперником. Я глубоко признателен вам за щедрое гостеприимство. — Он сделал паузу. — Я много раз говорил об этих впечатлениях — в Москве, в Ленинграде и в Гагре”. Улыбнувшись и помахав на прощанье Мэтлоку, Суркову и Твардовскому, Зенкевичу и Кашкину, распорядительницам и журналистам, он со Стюартом Юдаллом, задержавшимся на день в Москве, чтобы лететь домой вместе с Фростом, поднялся по трапу в советский самолет, который должен был доставить нас в Париж.